

АЛЛА А. КАМАЛОВА / ALLA A. KAMALOVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5165-9516>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ГЕННАДИЙ И. БЕРЕСТНЕВ / GENNADY I. BERESTNEV

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1783-6253>

Immanuel Kant Baltic Federal University

**ЭМОЦИИ КАК ПРЕДМЕТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

**Emotions as an Object of Linguistic Study
(on the Material of the Russian Language)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистика, психология, эмоции и чувства, эмоции в языке и тексте, русский язык

KEYWORDS: linguistics, psychology, emotions and feelings, emotions in language and discourse, the Russian language

ABSTRACT: Emotions attract attention of specialists in various fields of knowledge. Thus, linguists delineate the methods of emotions representation in language and discourse. Analysis of scientific publications reveals certain gaps in emotions study and contradictory opinions on the subject as well. The present survey focuses on problems related to emotions study in the context of psychology and linguistics methods. As a result, we postulate absence of a common definition for emotions, absence of non-contradictory inventory of emotional states and absence of criteria for delineation of *emotion* and *feeling* concepts. The article discusses the functions of the words *emotion* and *feeling*, outlines vocabulary related to emotions in the Russian language world image, and characterizes means of emotions representation in language and discourse. The article draws attention to study of emotions in cognitive and culturological linguistic dimensions; it may be useful while compiling linguistic and psychological dictionaries of emotions.

В сущности, интересует нас в жизни одно: наше психическое содержание... Все ресурсы человека – искусство, религия, литература, философия и исторические науки – все это соединяется, чтобы бросить луч света на этот мрак.

И. П. Павлов

1. Введение (Из истории изучения эмоций)

60-е годы XX века знаменуются концептуальной перестройкой российской психологии под влиянием достижений кибернетики, теории информации, физиологии нервной деятельности, успехов в области нейрофизиологии. А с начала 70-х годов в российской лингвистике наблюдается обостренный интерес к изучению лексики, отражающей психическую жизнь человека. В этих исследованиях решаются различные задачи, они детерминированы, как, впрочем, и сам интерес к данной теме, общими тенденциями развития лингвистики, а также положением дел, сложившимся в научном познании психических процессов.

Первоначально такого рода лингвистические исследования проводились на базе ономаσιологического и структурного подхода, с конца же 80-х годов интерес языковедов смещается в сторону когнитивистики, со второй половины 90-х – лингвокультурологии. Анализ научной литературы по данной теме свидетельствует о разработке следующих проблем: лингвистами изыскиваются способы адекватного толкования психологических состояний с помощью метаязыка (Иорданская 1974), изучается полисемантическая глаголов со значением психических состояний (Якубова 1986), описываются эмоции и чувства как концепты, их место в «наивной» (языковой) картине мира (Пеньковский 1991; Камалова 1994; Апресян 1995; Урысон 1995; Арутюнова 1997; Степанов 1997) и способы концептуализации психологических состояний (Радышкевич 1995), изыскиваются универсальные, общечеловеческие прототипы описания чувств (Вежицкая 1996), наконец, уделяется внимание феномену телесности с точки зрения интерпретации внешних проявлений эмоций (Калимуллина 2007), а также синтаксическим свойствам эмотивных глаголов (Kiklewicz 2018; 2019). Заметим, что это далеко не полный перечень тем.

2. Об определении понятия «эмоция» и классификации эмоций

Эмоции, как и другие психические явления, понимаются в литературе по-разному. Сравнивая, например, дефиниции понятия «эмоция», которые мы находим в работах К. Изарда (1980) и С. Ю. Головина (1998), можно прийти

к выводу, что ни одно из определений не является единственно верным. В психологии и психиатрии сложилась традиция различать следующие виды психических процессов (состояний): чувство, настроение, аффект, переживание, ощущение, эмоция. Базой их различения является анализ типовых ситуаций, при котором учитываются участники ситуации, время и степень проявления процесса, его внешнее проявление и др. Наибольший интерес психология проявляет именно к эмоциям, которые изучаются с эволюционной, психоаналитической, структурной, органической и др. точек зрения.

Несмотря на множество работ, посвященных эмоциям, можно констатировать, что научно обоснованной теории, объясняющей пути распознавания различных проявлений психической жизни, не существует. И если следовать общей логике познания, характеристика эмоций, чувств и т.п. на основе конкретного подхода не может быть признана удовлетворительной, так как человек представляет собой систему систем – разнообразных взаимосвязанных состояний и процессов (физических, физиологических, психических, социальных, культурных), протекание которых детерминировано, с одной стороны, культурно-историческими условиями, с другой – субъективными способностями и возможностями индивида.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что попытки дать определение конкретной эмоции, характеризовать и классифицировать палитру психических состояний, процессов и реакций человека сталкиваются с мощным сопротивлением материала и традицией употребления соответствующих терминов. В современных работах психологов термин *э м о ц и я* может пониматься в широком и узком смысле. Эмоции в узком их понимании относятся к простейшим психическим состояниям, связанным с удовлетворением органических потребностей. Однако в других работах, напротив, термин *ч у в с т в о* функционирует для именования элементарных потребностей; эмоции противопоставляются чувствам по признаку «непосредственное переживание». При таком подходе эмоция – это реакция на ситуацию, а чувство – субъективное проявление, укоренившееся в психике человека. Наконец, эмоциям, в отличие от чувств, приписывается яркое внешнее выражение.

Другая проблема заключается в том, что не существует бесспорного перечня эмоций. Количество эмоций по разным источникам колеблется в большом диапазоне, характеризуясь как базовые или не базовые. Опираясь на существующие теории, можно обобщить знания об эмоциях и назвать наиболее актуальные или оригинальные свойства эмоций. Например, эмоции – это психические реакции, для которых характерно следующее:

- 1) формируются как под влиянием реальных ситуаций, событий, так и под влиянием воспоминаний о пережитом или ожидаемом;
- 2) характеризуются как положительные, отрицательные, нейтральные;
- 3) различаются по интенсивности;

4) обладают активностью (стенические) или пассивностью (астенические), оказывая или не оказывая влияние на силы человека, мобилизуя или не мобилизуя его к деятельности;

5) способны к обобщению и коммуникации (могут передаваться между людьми и животными);

6) мимическая реакция на эмоцию является подсознательной и не зависит от социальной и расовой принадлежности.

Конкретное свойство из вышеназванных может соответствовать или не соответствовать той или иной теории. В данном случае это лишь попытка характеризовать эмоции, опираясь на некоторые их проявления. Заметим, что в работах специалистов встречаются оригинальные наблюдения над эмоциями, например: эмоции обладают феноменом «эмоционального заражения» людей и животных или выявляются национально ориентированные эмоции (например, японское *ваби-саби*).

По поводу ситуации, сложившейся в области изучения эмоций, В. К. Вилюнас писал:

Большую путаницу в психологию эмоций вносят терминологические расхождения. В какой-то мере они заложены уже в повседневном языке, позволяющем нам называть, например, страх эмоцией, аффектом, чувством или даже ощущением или объединять под общим названием чувств такие различные явления, как боль и иронию, красоту и уверенность, прикосновение и справедливость. Но это свидетельствует о том, что феноменологический материал, объяснить который призвана теория эмоций, не обладает отчетливо различимыми признаками, которые могли бы обеспечить некоторую единую изначальную его группировку и упорядочивание (Вилюнас 1984, 5).

Написано это в 80-е годы XX века, однако сегодня изложенная выше ситуация коренным образом не изменилась. И тем не менее определенные прорывы в изучении эмоций как психических процессов наблюдаются. Так, например, интерес представляет опыт описания возникновения эмоций и выведение «формулы эмоции». В работе П. В. Симонова теория «формула эмоции» опирается на информацию о потребностях субъекта, возможности удовлетворения потребностей, силу и качество потребностей и др. (1981, 19ссл.).

3. Эмоции в лингвистической традиции

При лингвистическом обращении к эмоциям необходимо различать проблемы именовании эмоций в языке и способы их описания в речи. В связи с этим Л. Г. Бабенко пишет:

Эмоции имеют двоякий способ обнаружения в языке. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок... Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобная любой другой наблюдаемой реальности (Бабенко 1989, 3).

Можно, таким образом, говорить о языке описания и языке выражения эмоций. Также необходимо отметить, что в российской лингвистике существуют два термина: *лексика эмоций* (ориентирована на объективацию психических состояний в языке) и *эмоциональная лексика* (выполняет экспрессивную и прагматическую функцию, ее связывают с термином «эмотивность») (Шаховский 1987).

Свойства эмоций выявляются на базе различных отношений, представленных ситуациями, сценами, сценариями.

Эмоциональные концепты задаются ситуациями, типичными для известных переживаний, и эти ситуации могут быть описаны посредством ментальных сценариев. Я полагаю, что мы в самом деле интерпретируем наше эмоциональное состояние при помощи таких сценариев, и моя гипотеза подтверждается тем, что эмоциональные концепты, выражаемые в различных языках, очень хорошо моделируются при помощи таких сценариев (Вежбицкая 1996, 337).

Свойства эмоций как реальное проявление психической реакции лингвисты обнаруживают прежде всего в художественных текстах. В текстах-скриптах аналитического типа могут быть заложены сценарии, опираясь на которые, возможно выявить содержание подобных концептов. Примером текста-скрипта может служить описание гнева в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где гнев представлен в виде сценарной структуры (Камалова 1998, 248ссл.). Заметим, что к художественным текстам, содержащим описание эмоциональных состояний, нередко апеллируют в своих работах психологи. К. Леонгард по этому поводу пишет:

Многие писатели, как известно, являются превосходными психологами. Будучи весьма наблюдательными, они обладают способностью проникновения во внутренний мир человека. К тому же их литературный дар помогает облечь увиденное и воспринятое в прекрасную языковую форму (2000, 242).

Лингвисты, обращаясь к способам объективации психической жизни, также обращаются к художественным текстам, к описаниям психической жизни персонажей. По нашим наблюдениям, интерес к данной проблеме активи-

зировался в XXI веке. В качестве примера назову диссертационную работу И. С. Баженовой (2004), посвященную обозначению эмоций в художественном тексте.

Лингвистическое описание эмоций, помимо собственно научного интереса, имеет прикладное значение, а именно – способствует разработке лексикографирования эмоций в словарях различных типов. В связи с последним заметим, что материалы интернета свидетельствуют об активном интересе к эмоциональной сфере, к вербальному ее отражению и содержат информацию о проектах подобных словарей и словарных материалах (Смирнов 2011). Идея о способности эмоций к обобщению и коммуникации получила развитие в исследовании эстетических эмоций и созданию словаря эстетических эмоций (Ражников 2013). Открытие национально ориентированных эмоций вдохновило Т. Ломаса на создание *The Positive Lexicography Project*, задача которого – собрать «добрые чувства» народов мира, с целью приобщения к ним всех желающих. В качестве национально ориентированных положительных эмоций называются, например, арабское *Tarab* – экстаз, очарование, вызванные прослушиванием национальной музыки, японское *Shinrin-Yoku* – удовольствие от купания в лесу (буквально или образно) (Robson 2017).

4. Эмоции в языковой картине мира

Слова *эмоция* и *чувство* различаются длительностью функционирования в русском языке. Слово *чувство* в древнерусском языке известно с X века, оно заимствовано из старославянского, образовано с помощью суффикса *-ств-* от *чоувъ* «способность чувствовать» > «тот, кто обладает этим», восходящего к *чуоти* «чувствовать, слышать, ощущать, познавать» + суффикс *-в-* (Шанский 1975), ср. русское *чують*.

Чувство и его однокорневые слова с древнейших времен выполняли функцию выражения различных психических процессов. Неудивительно, что в современном русском языке *чувство* – многозначное слово. Данный факт объясняет, почему в русском языке *чувство* употребляется при описании различных проявлений психической жизни: *чувство голода, сонливости, стыда, гордости, благородства, ненависти, любви, солидарности, прекрасного, зависти* и т. д. Семантическая структура слова *чувство* в лингвистических словарях описывается неоднозначно: фиксируется от пяти (Ожегов/Шведова 1997), шести (Ушаков 1940) до семи значений (МАС 1999).

Слово *эмоция*, согласно материалам «Историко-этимологического словаря русского языка», восходит к латинскому языку – *emoveo* «потрясаю, волну»; русским языком заимствовано посредством французского и функционирует с конца XIX века (Черных 1994, 448). Современные толковые словари тол-

куют его как «душевное переживание, чувство» (Ожегов 1997, 910). Данный факт невозможно однозначно квалифицировать как неразличение эмоций и чувств, так как толкование не есть семантика слова, а способ соотнесения значения слова с другим, близким или соотносимым по значению словом или понятием. Истории слова *эмоция* в европейских языках посвящена работа Н. А. Дмитриевой (2014).

Слова *эмоция* и *эмоциональный* обычно используется для специальных целей в широком и узком значениях как для разнообразных психических состояний и процессов, так и для собственно эмоций как психических реакций. Слова *чувство* и *чувствовать* многозначны и многофункциональны, длительное время они употреблялись в разных стилях русской речи для выражения различных психических реакций, в том числе и эмоциональных. Логично думать, что слово *чувство* как наиболее раннее по происхождению и потому функционально универсальное замещает слово *эмоция*, более позднее по происхождению и «неродное» по форме.

Трудности, которые испытывают лингвисты при классификации названий эмоций, отражены в результатах лингвистических классификаций. М. А. Крючкова выделяет 9 лексико-семантических групп, С. Н. Цейтлин – 12, И. И. Валуйцева – 22, Л. Н. Сахарчук – 29 (см. подробнее: Камалова 1994).

О трудностях лексикографического толкования эмоций пишет Ю. Д. Апресян (1993), предлагая строить толкование слов, обозначающих эмоции, на базе сценария их возникновения и развития, основа которого – «наивная картина мира». Структуру толкования составляют следующие параметры: 1) восприятие или умственное представление некоторого положения вещей; 2) оценка данного положения вещей; 3) собственно эмоция как результат этой оценки – положительная или отрицательная; проявление эмоции в 4) неподконтрольных субъекту физиологических реакциях (*бледность*, *дрожь*), 5) желаниях (*спрятаться*, *сжаться*), 6) моторной активности (*вскокить*), 7) речевой деятельности (*кричать*).

Ч. Филлмор предлагает при описании и классификации эмоций обращаться к сценическому описанию эмоциональных реакций:

Некоторые эмоциональные слова, думается, могут быть охвачены единичными сценами в том смысле, что называемые ими социальные состояния относительно просты и обладают свойствами, которые могут проявляться в некоторый данный момент времени. В качестве таких, связанных с единичными сценами эмоций, можно назвать *excitement* 'возбуждение', *anger* 'гнев', *peacefulness* 'спокойствие', *joy* 'радость' (Филлмор 1988, 108).

Бабенко (1989), классифицируя данную лексику, учитывает следующие характеристики: эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, эмоциональное воздействие, внешнее выражение эмоций, эмоци-

ональная характеристика, эмоциональное качество. Представляется, однако, что рекомендации нуждаются в коррекции из-за многозначности лексики и необходимости разграничения лексико-семантических вариантов. В этом случае в качестве критерия манифестации принимается закономерность сочетаемости. Сравним, например, слово *бояться* в значении 'испытывать страх' в синтагматическом ряду [субъект одушевл. – состояние – объект в родит. падеже] (*бояться волков, бояться темноты* и под.) и тот же глагол в значении 'опасаться, беспокоиться, тревожиться' с сочетаемостной моделью [субъект одушевл. – состояние – винит. объекта с предлогом *за* или инфинитив] (*бояться за брата, бояться наскучить*).

Вопрос о том, где «живут» эмоции, не праздный. В. А. Плунгян отмечает, что

языки современного европейского культурного ареала обнаруживают безусловное единство в том, что касается центральной роли сердца как средоточия эмоций; вместе с тем в отношении других органов наблюдаются некоторые расхождения... печень успешно конкурировала с сердцем, служа вместилищем воинской доблести, ярости, сильных страстей и под. (1991, 154).

Понимание сердца как вместилища эмоций и чувств как символа души восходит к библейской традиции: в Евангелии оно обнимает собой не только психику человека, но и физиологические проявления и потребности (Мф., 12:40; Лука, 21:34). Библейская традиция получила дальнейшее развитие в древнерусской литературе. В текстах церковнославянской письменности наблюдается тенденция к абстрактному представлению действительности, соотносимой с психической жизнью человека. Выявлены образные описания эмоций, которые становятся клишированными речевыми единицами, например: *сърдце ми горитъ* (Сказание о Борисе и Глебе), *очима бо плачутся со мною, а сърдцем смеють ми ся* (Моление Даниила Заточника) и т.п. (Камалова 1994, 93ссл.).

Тема «сердце» с середины XVIII века активно разрабатывается в святоотеческой литературе. В русской художественной литературе прослеживается библейская образная система в отображении эмоций, а также та, которая сложилась в древнерусской литературе. Метафорическое осмысление сердца мотивирует дальнейшее развитие образа: эмоции и чувства предстают в виде существ, которые *мучают, грызут, сжигают* сердце. Сердце предстает «вместилищем», где живут страсти, мысли, желания, что позволяет сравнивать его с домом, сосудом и др. Поскольку сердце предстает в образе сосуда, то чувства видятся в образе жидкости, которые способны *переполнять сердце, кипеть в сердце* и т. п. (Камалова 1998, 254ссл.).

Если на уровне языковой системы удастся хоть в какой-то степени очертить значения и ономазиологическое соответствие лексике эмоций, то изучение их воплощения в речи осложняется за счет нестереотипных ситуаций

и индивидуальных реакций, а также многообразия одновременно переживаемых состояний, взаимодействия их с желаниями и волей, их оценки субъектом и обществом.

В стремлении приблизиться к реальности, говорящий не называет эмоции, а описывает наблюдаемые телесные реакции, т.е. визуальные шаблоны поведения, характерные для человека в стереотипных ситуациях.

В разговорной и художественной речи при описании эмоций наблюдается взаимодействие лексики различных семантических групп и полей: *вскрикнуть от неожиданности, вздрогнуть от страха, прыгать от радости, плакать/покраснеть от стыда* и под. В то же время лексика эмоций в речи способна выполнять неизосемическую функцию, выступать в специфической роли: *веселость* и *веселый* в речи может функционировать как выражение эмоции, описание характера и поведения индивида, а также как характеристика глаз, голоса.

Лексика эмоций по своим функциональным свойствам может быть классифицирована по трем разрядам: слова, объективирующие психические реакции – «именующие» (*удивление, гнев, страх* и под.); слова, выражающие эмоции – «предикцирующие» (*удивляться, гневаться, расстраиваться* и под.); слова, косвенно передающие информацию о психологических состояниях, – «обслуживающие», и именно им отводится главная роль в референции. В функции «обслуживающих» активно используются глагольные метафоры, существенно обогащающие эмоциональную палитру и помогающие представить способ протекания эмоции. С помощью метафор возможно передать «скорость» развития психических реакций (*страх напал, гнев вспыхнул, раздражение ширилось*); «силу» переживаний (*клокочать, пылать, взорваться* – о гневе); «глубину» (*захлестнуть, наполниться* – о радости). Указанные семантические параметры свойственны положительным и отрицательным эмоциям, именно они обладают градацией, для нейтральных реакций это менее свойственно: про удивление, квалифицируемое как нейтральная эмоция, нельзя сказать, что оно *вспыхнуло, терзало, клокотало*.

Приведенные примеры демонстрируют универсальность способов отражения эмоций в языковой системе, которая во многих случаях «не нуждается в подкреплении извне, со стороны других знаковых систем выражения субъективной информации» (Калимуллина 2007, 176сл.).

5. Заключение

Психика человека отражает физические, психические, социальные, культурные, духовные проявления субъекта. Соответственно, конкретные проявления психических реакций не могут быть дефинированы с позиций

и установок какого-либо одного научного подхода. Соответственно, теория эмоций, несмотря на многочисленные усилия ученых по их определению и классификации, находится в развитии.

Не менее сложно этот вопрос представлен в лингвистических исследованиях. Наблюдения над семантикой и функционированием лексики эмоций в русском языке позволяет сделать вывод о том, что в языковой картине мира психическая жизнь человека представлена как сложная система взаимодействующих и взаимообусловленных психических реакций. Данные языка не противоречат современным специальным знаниям об изучаемом предмете, но в то же время языковые (лексические) знаки образуют самостоятельную систему. В связи со сказанным представляется актуальным обращение к сравнительному анализу вербальной системы эмоций конкретного языка и невербальной знаковой системы, характерной для проявления эмоций в данной культуре. Это было бы значимо для понимания и описания языкового материала в лингвокультурологическом аспекте, а также для практики лексикографирования эмоций.

Библиография

- АПРЕСЯН 1995: Apresyan, Yu. D. (1995), *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya*. In: *Voprosy yazykoznavaniya*. 1, 37-67. [Апресян, Ю. Д. (1995), *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. В: *Вопросы языкознания*. 1, 37-67.]
- АПРЕСЯН/АПРЕСЯН 1993: Apresyan, Yu. D./Apresyan, V. Yu. (1993), *Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy*. In: *Voprosy yazykoznavaniya*. 3, 27-35. [Апресян, Ю. Д./Апресян, В. Ю. (1993), *Метафора в семантическом представлении эмоций*. В: *Вопросы языкознания*. 3, 27-35.]
- АРУТЮНОВА 1997: Arutyunova, N. D. (1997), *O styde i stuzhe*. In: *Voprosy yazykoznavaniya*. 2, 58-69. [Арутюнова, Н. Д. (1997), *О стыде и стуже*. В: *Вопросы языкознания*. 2, 58-69.]
- БАБЕНКО 1989: Babenko, L. G. (1989), *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke*. Sverdlovsk. [Бабенко, Л. Г. (1989), *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск.]
- БАЖЕНОВА 2004: Bazhenova, I. S. (2004), *Oboznacheniya emotsiy v khudozhestvennom tekste (Pragmaticheskiy aspekt)*. Dissertatsiya. Moskva. [Баженова, И. С. (2004), *Обозначение эмоций в художественном тексте (Прагматический аспект)*. Диссертация. Москва.]
- ВЕЖБИЦКАЯ 1996: Wierzbicka, A. (1996), *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye*. Moskva. [Вежицкая, А. (1996), *Язык. Культура. Познание*. Москва.]
- ВИЛЮНАС 1984: Vilyunas, V. K. (1984), *Osnovnyye problemy psikhologicheskoy teorii emotsiy*. In: *Vilyunas, Yu. B./Gippenreyter, V. K. (red.), Psikhologiya emotsiy: teksty*. Moskva, 3-18. [Вилюнас, В. К. (1984), *Основные проблемы психологической теории эмоций*. В: Вилюнас, Ю. Б./Гиппенрейтер, В. К. (ред.), *Психология эмоций: тексты*. Москва, 3-18.]
- ГОЛОВИН 1998: Golovin, S. Yu. (1998), *Slovar' prakticheskogo psikhologa*. Minsk. [Головин, С. Ю. (1998), *Словарь практического психолога*. Минск.]
- ДМИТРИЕВА 2014: Dmitriyeva, N. A. (2014), *K voprosu o proiskhozhdenii slova «emotsiya» v russkom, angliyskom, frantsuzskom i ital'yanskom yazykakh*. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. 2, 93-98. [Дмитриева, Н. А. (2014), *К вопросу о происхождении слова «эмоция» в русском, английском, французском*

- и итальянском языках. В: Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2, 93-98.]
- ИЗАРД 1980: Izard, K. (1980), *Emotsii cheloveka*. Moskva. [Изард, К. (1980), Эмоции человека. Москва.]
- ИОРДАНСКАЯ 1870: Iordanskaya, L. N. (1970), Попытка лексикографического толкования группы russkikh slov so znacheniyem chuvstv. In: Mashinnyu perevod i prikladnaya lingvistika. 13. Moskva, 3-26. [Иорданская, Л. Н. (1970), Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувств. В: Машинный перевод и прикладная лингвистика. 13. Москва, 3-26.]
- КАЛИМУЛЛИНА 2007: Kalimullina, L. A. (2007), Verbal'naya i neverbal'naya znakovaya eksplikatsiya vnutrennikh perezhivaniy. In: Ibragimova, V. L. (red.), *Semanticheskiye, grammaticheskiye i kognitivnyye kategorii yazyka*. Ufa, 172-180. [Калимуллина, Л. А. (2007), Вербальная и невербальная знаковая экспликация внутренних переживаний. В: Ибрагимова, В. Л. (ред.), Семантические, грамматические и когнитивные категории языка. Уфа, 172-180.]
- КАЛИМУЛЛИНА 2013: Kalimullina, L. A. (2013), Semioticheskaya sushchnost' neverbal'nogo emotsional'nogo koda i spetsifika ego nominatsii (na materiale slavyanskikh yazykov), In: *Przeglad Wschodnioeuropejski*. IV, 533-546. [Калимуллина, Л. А. (2013), Семиотическая сущность невербального эмоционального кода и специфика его номинации (на материале славянских языков). В: *Przeglad Wschodnioeuropejski*. IV, 533-546.]
- КАМАЛОВА 1994: Kamalova, A. A. (1994), Formirovaniye i funktsionirovaniye leksiki so znacheniyem psikhicheskogo sostoyaniya v russkom literaturnom yazyke. Arkhangel'sk. [Камалова, А. А. (1994), Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке. Архангельск.]
- КАМАЛОВА 1998: Kamalova, A. A. (1998), Semanticheskiye tipy predikatov sostoyaniya v sistemnom i funktsional'nom aspektakh. Arkhangel'sk. [Камалова, А. А. (1998), Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск.]
- ЛЕОНГАРД 1981: Leongard, K. (1981), *Aktsentuirovannyye lichnosti*. Kiev. In: <http://ncpz.ru/lib/1/book/37chapter> [dostup 10.02.2017]. [Леонгард, К. (1981), Акцентуированные личности. Киев. В: <http://ncpz.ru/lib/1/book/37chapter> [доступ 10.02.2017].]
- МАС: MAS: Evgen'yeva, A. P. (red.), (1999), *Slovar' russkogo yazyka*, V 4 t. Moskva. [Евгеньева, А. П. (ред.), (1999), Словарь русского языка, В 4 т. Москва.]
- ОЖЕГОВ 1997: Ozhegov, S. I./Shvedova, N. Yu. (1997), *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva. [Ожегов, С. И./Шведова, Н. Ю. (1997), Толковый словарь русского языка. Москва.]
- ПЕНЬКОВСКИЙ 1991: Pen'kovskiy, A. B. (1991), Radost' i udovol'stviye v predstavlenii russkogo yazyka. In: Arutyunova, N. D./YAnko, T. E. (red.), *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnyye kontsepty*. Moskva, 375-383. [Пеньковский, А. Б. (1991), Радость и удовольствие в представлении русского языка. В: Арутюнова, Н. Д./Янко, Т. Е. (ред.), Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва, 375-383.]
- ПЛУНГЯН 1991: Plungyan, V. A. (1991), K opisaniyu afrikanskoj «naivnoy kartiny mira» (lokalizatsiya oshchushcheniy i ponimaniye v yazyke dogon). In: Arutyunova, N. D./YAnko, T. E. (red.), *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnyye kontsepty*. Moskva, 154-159. [Плунгян, В. А. (1991), К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон). В: Арутюнова, Н. Д./Янко, Т. Е. (ред.), Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва, 154-159.]
- РАДЫШКЕВИЧ 1995: Radyshkevich, I. I. (1995), Chleneniye kontseptual'nogo prostranstva otritsatel'nykh emotsional'nykh sostoyaniy (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka). In: Semerikova, Z. V. (red.), *Kontseptualizatsiya i kognitivnoye modelirovaniye mira*. Vypusk 430. Moskva, 15-30. [Радышкевич, И. И. (1995), Членение концептуального пространства отрицательных эмоциональных состояний (на материале современного английского языка).

- В: Семерикова, З. В. (ред.), Концептуализация и когнитивное моделирование мира. Выпуск 430. Москва, 15-30.]
- РАЖНИКОВ 2013: Razhnikov, V. G. (2013), Postizheniye sushchnosti esteticheskikh emotsiy i khudozhestvennykh perezhivaniy (avtorskiy slovar' i metodika ego primeneniya). In: Vestnik kafedry YUNESKO «Muzykal'noye iskusstvo i obrazovaniye». 3, 54-63. [Ражников, В. Г. (2013), Постижение сущности эстетических эмоций и художественных переживаний (авторский словарь и методика его применения). В: Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 3, 54-63.]
- СИМОНОВ 1981: Simonov, P. V. (1981), Formula emotsii. In: Simonov, P. V. Emotsional'nyy mozg. Moskva, 19-23. [Симонов, П. В. (1981), Формула эмоции. В: Симонов, П. В. Эмоциональный мозг. Москва, 19-23.]
- СМИРНОВ 2011: Smirnov, A. V. (2011), Slovar' «chuvstv». In: <http://www.gestalt-life.ru/forum/inde.php?showtopic=2306/Lj> [dostup 06.02.2017]. [Смирнов, А. В. (2011), Словарь «чувств». В: <http://www.gestaltlife.ru/forum/inde.php?showtopic=2306/Lj> [доступ 06.02.2017].]
- СТЕПАНОВ 1997: Stepanov, YU. S. (1997), Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Moskva. [Степанов, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Москва.]
- УРЫСОН 1995: Uryson, E. V. (1995), Fundamental'nyye sposobnosti cheloveka v naivnoy kartine mira. In: Voprosy yazykoznaniiya. 3, 3-16. [Урысон, Е. В. (1995), Фундаментальные способности человека в наивной картине мира. В: Вопросы языкознания. 3, 3-16.]
- УШАКОВ 1940: Ushakov, D. N. (red.). (1940), Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4. Moskva. [Ушаков, Д. Н. (ред.). (1940), Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. Москва.]
- ФИЛЛМОР 1988: Fillmore, Ch. (1988), Freymy i semantika ponimaniya. In: Petrov, V. V./Gerasimov, V. I. (red.), Novoye v zarubezhnoy lingvistike, XIII. Moskva, 52-90. [Филлмор, Ч. (1988), Фреймы и семантика понимания. В: Петров, В. В./Герасимов, В. И. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике, XIII. Москва, 52-90.]
- ЧЕРНЫХ 1994: Chernykh, P. Ya. (1994), Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Moskva. [Черных, П. Я. (1994), Историко-этимологический словарь современного русского языка. Москва.]
- ШАХОВСКИЙ 1987: Shakhovskiy, V. I. (1987), Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme russkogo yazyka. Voronezh. [Шаховский, В. И. (1987), Категоризация эмоций в лексико-семантической системе русского языка. Воронеж.]
- ЯКУБОВА 1986: Yakubova, V. G. (1986), O leksiko-semanticheskoy grupe glagolov so znacheniyem chuvstv. In: Russkiy yazyk v shkole. 4, 8-13. [Якубова, В. Г. (1986), О лексико-семантической группе глаголов со значением чувств. В: Русский язык в школе. 4, 8-13.]
- КІКЛЕWІCZ 2018: Kiklewicz, A. (2018), Valentnye svoystva mental'nykh i emotivnykh glagolov (na materiale sovremennogo russkogo yazyka). W: Prace Filologiczne. LXXII, 149-165. [Kiklewicz, A. (2018), [Валентные свойства ментальных и эмотивных глаголов (на материале современного русского языка). W: Prace Filologiczne. 2018, LXXII, 149-165.]
- КІКЛЕWІCZ 2019: Kiklewicz, A. (2019), Realizaciya propozicional'nogo argumenta: klauzal'naya – imennaya – nulevaya (na materiale russkikh emotivnykh glagolov). In: Filologicheskiye nauki. 1, 9-21. [Kiklewicz, A. (2019), Реализация пропозиционального аргумента: клаузалная – именная – нулевая (на примере русских эмотивных глаголов). В: Филологические науки. 1, 9-21.]
- ROBSON 2017: Robson, D. (2017), The 'untranslatable' emotions you never knew you had. In: <http://www.bbc.com/future/story/20170126-the-untranslatable-emotions-you-never-knew-you-had>.